

Берестяные грамоты как источник по истории древнерусского языка и литературы

А. А. Зализняк

ЗНАЧЕНИЕ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ ДЛЯ ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

1. Важнейшие особенности берестяных грамот как письменных источников.

Значение берестяных грамот для истории русского языка определяется несколькими факторами. Они ценны прежде всего как документы древнейшего этапа письменной истории русского языка: все они относятся к XI–XV векам.

В отличие от большинства других текстов, восходящих к столь древней эпохе, письма на бересте дошли до нас в оригиналах, а не в списках. Соответственно, при их анализе нет необходимости строить предположения о том, что в их языке принадлежит первоначальному документу, а что поздним переписчикам.

Но наиболее важно то, что берестяные грамоты обычно непосредственно отражают живой язык их составителей — и этим отличаются от подавляющего большинства традиционных памятников XI–XV вв. (поскольку из числа последних церковные памятники, литературные сочинения и летописи написаны по-церковнославянски, хотя и с использованием большего или меньшего количества собственно русских элементов). В отличие от этих памятников, берестяные грамоты писались как правило в связи с какой-то сиюминутной деловой необходимостью и были рассчитаны на одного-единственного читателя — адресата, каковым чаще всего был член собственной семьи, сосед или деловой партнер. После прочтения грамота, за редкими исключениями, была уже не нужна и просто уничтожалась или выбрасывалась. В этой ситуации у писавшего обычно не было стимула использовать какую-либо более престижную форму языка, чем живая разговорная речь, соответственно, не было языковой «самоцензуры». По этой причине мы почти всегда находим в берестяных грамотах древнерусский язык, во-первых, свободный от церковнославянизмов, во-вторых, диа-

лектный.

Значение берестяных грамот для истории русского языка осознавалось постепенно — по мере роста числа грамот и по мере признания их достаточно показательными в лингвистическом отношении документами.

Важный этап на этом пути — выявление так называемой бытовой графической системы, которая в некоторых частностях (а именно, в способах употребления букв *ь, ъ, о, е* и *ѡ*) отличалась от книжной, и констатация того, что большинство берестяных грамот в рамках этой системы написано без ошибок. С этого момента закрылась дешёвая возможность истолковывать все неясные места грамот просто как результат тех или иных ошибок их авторов, из-за которой на первом этапе изучения берестяных грамот смысл многих из них был истолкован совершенно превратно. В настоящее время уже практически никто из серьёзных исследователей берестяных грамот не трактует их более как хаотические и бессвязные записи.

Берестяные грамоты позволили получить существенные новые сведения: а) о состоянии русского языка и его диалектов в саму эпоху берестяных грамот, т. е. в XI–XV вв.; б) о предыстории восточнославянской языковой зоны; в) о путях формировании современного русского языка. По первому пункту эти новые сведения носят прямой характер, по двум другим — косвенный.

Поскольку подавляющее большинство ныне известных берестяных грамот найдено в Новгороде и на территории древней Новгородской земли, лингвистически значимые показания берестяных грамот касаются прежде всего древненовгородского диалекта. Данные по другим древним диалектам пока ещё весьма ограничены.

2. Выявление контуров древненовгородского диалекта эпохи берестяных грамот.

На материале берестяных грамот выявлены основные фонетические и морфологические особенности древненовгородского диалекта — частью такие, о которых уже было в той или иной мере известно по единичным примерам, проскальзывающим в рукописных книгах, частью ранее неизвестные.

К первым относятся, в частности:

цоканье (смещение фонем *ц* и *ч*),

так наз. «второе полногласие» (например, *мълъвити*, *вьрхъ*, *жълтъ* в соответствии с наддиалектными [«стандартными»] древнерусскими *мълвити*, *вьрхъ*, *жълтъ*),

сохранение исконного *х* (без перехода в *с*) в корне слова ‘весь’ (например, *въхо* ‘всѣ’, позднее переходящее в *въхо* и далее в *вхо*),

отсутствие эффекта 2-й палатализации на стыке основы и окончания (например, *рукъ*, *моги* в соответствии с наддиалектными древнерусски-

ми *руцѣ, мози*),

переход *вл'* в *л'* (например, *Яколь* 'Яковлев'),

И. ед. муж. на *-е* (например, *посадънике, Иване, хльбе, дешеве, саме, пришьле, дале*),

Р. ед. жен. на *-ѣ* (например, *бес кунѣ, у Варъварѣ*),

И. В. мн. жен. на *-ѣ* (например, *кобыль, сиротѣ*)

и ряд других.

Ко вторым относятся, в частности:

отсутствие эффекта 2-й палатализации в корнях (*къл-* 'целый', *хър-* 'серый' и т. п.),

особые рефлексy для *ТърТ (в некоторых говорах; например, *мльви* 'молви', *брьзѣ* 'быстро'),

особые рефлексy для *ТорТ (в некоторых говорах; например, *срочькъ* 'сорочок', *погородие* 'погородье'),

переход *мл'* в *н'* (например, *енючи* из *емлючи*),

несовпадение форм И. ед. и В. ед. у существительных мужского рода, независимо от одушевленности–неодушевленности (например, И. ед. *погосте* при В. ед. *на погостѣ*)

и другие.

Благодаря берестяным грамотам установлено, что ряд новгородских фонетических и морфологических явлений, которые хотя изредка и отмечались, но расценивались как единичные отклонения (например, отсутствие эффекта 2-й палатализации в *рукѣ, моги* и т. п., И. ед. на *-е*, Р. ед. на *-ѣ*), в действительности носил в древненовгородском диалекте характер не отклонения, а нормы. Установлено также, что некоторые древнерусские явления, диалектная принадлежность которых была неясна (в частности, *-ите* в таких императивах, как *идите, несите*, *-л* в таких деепричастиях, как *идл, несл*), первоначально принадлежали именно древненовгородскому диалекту.

Как показал материал берестяных грамот, почти все указанные диалектные особенности возникают очень рано (а не в конце древнерусского периода, как предполагалось прежде): они отражены уже в самых древних берестяных грамотах и, следовательно, возникли не позднее, чем в самом начале письменной истории русского языка.

В целом стало ясно, что уже в XI–XII вв. древненовгородский диалект отличался от наддиалектного («стандартного») древнерусского по целому комплексу фонетических и морфологических черт.

Древненовгородский диалект сосуществовал в новгородском обществе с наддиалектной («стандартной») формой древнерусского языка. В шкале социолингвистической престижности он стоял ниже. Анализ берестяных грамот позволил выявить определенные формы пересчета с диалекта на наддиалектный язык, которыми умели пользоваться новгородцы при со-

ставлении официальных документов.

Находки последних лет показали, что наддиалектный древнерусский употреблялся относительно более широко в среде, близкой к княжеской администрации. Это могло быть частично связано и с тем, что в этой среде постоянно присутствовали и новгородцы, в частности, приезжие из Киева.

3. Новое о предыстории восточнославянской ветви языков.

Расширение знаний о древненовгородском диалекте привело к падению традиционного представления о монолитном единстве восточнославянского языка. Стало понятно, что внутри восточнославянской зоны имелось очень древнее противопоставление по крайней мере двух диалектов — прановгородско-псковского и южного (или юго-восточного). Отвлекаясь от их географической привязки (которая на разных этапах могла быть различной), это разделение иногда обозначают в чисто лингвистических терминах как противопоставление *кѣле*-диалекта и *цѣль*-диалекта. В основу этих условных обозначений положены два важнейших признака, по которым противопоставлены эти диалекты: наличие–отсутствие 2-й палатализации и характер окончания И. ед. муж.

Тезис С. М. Глускиной об отсутствии эффекта 2-й палатализации в древней новгородско-псковской зоне ныне уже принят большинством славистов. Пытающихся объяснить древненовгородские *кѣл*-, *кѣд*-, *кѣв*-, *кѣп*-, *хѣр*- как результат того или иного вторичного развития из *цѣл*-, *цѣд*-, *цѣв*-, *цѣп*-, *сѣр*- осталось совсем немного, и предлагаемые ими версии чрезвычайно искусственны.

В то же время вопрос о путях формирования оппозиции *кѣле*-диалекта и *цѣль*-диалекта остается дискуссионным. Наряду с предположением о ранней изоляции носителей прановгородско-псковского диалекта от остального славянства, имеется, в частности, дискуссионная, но весьма интересная идея В. Вермеера о том, что процесс монофтонгизации дифтонгов в своем распространении от центра к периферии достиг прановгородско-псковской зоны, представлявшей собой крайнюю периферию праславянской области, позже, чем процесс 2-й палатализации.

Особый сложный вопрос составляет гипотетическое соотнесение двух главных диалектов восточнославянской зоны с племенными делениями. Единства мнений в этом вопросе в настоящее время нет. Так, зона распространения *кѣле*-диалекта во многом сходна с зоной расселения племени кривичей. Однако прямолинейному соотнесению *кѣле*-диалекта с кривичами препятствует то, что южная (смоленско-полоцкая) группировка кривичей обнаруживает черты *цѣль*-диалекта.

4. Новое о формировании современного русского языка.

Анализ корпуса берестяных грамот, расположенных в хронологическом порядке, позволил установить, что, вопреки тому, что ожидалось на основании традиционных представлений, практически все специфические древненовгородские особенности представлены в грамотах XI–XII вв. более (а не менее) последовательно, чем в XIV–XV вв. Иначе говоря, берестяные грамоты свидетельствуют о конвергентной (ведущей к сближению), а не о дивергентной (ведущей к расхождению) схеме эволюции древненовгородского и центрально-восточного диалектов в эту эпоху. Эта схема находит также подтверждение в эволюции, происходившей в последующие века.

На протяжении ряда веков происходит взаимопроникновение элементов этих двух основных диалектов. Так, древненовгородский диалект под сильнейшим влиянием центрально-восточного утрачивает (за исключением отдельных архаичных говоров) И. ед. на *-e*, основу *къл-*, основу *вх-* и ряд других черт.

Но для истории русского языка в целом особенно существенно то, что определенное влияние осуществлялось также и в противоположном направлении. Самым важным проявлением этого влияния следует считать исчезновение в центрально-восточном диалекте старых форм типа *руць, мози* и замена их на *рукъ, моги*.

Давнюю загадку для славистики составляет тот факт, что из трех близкородственных восточнославянских языков — украинского, белорусского и великорусского — два первых совершенно последовательно сохранили эффект 2-й палатализации на стыке основы и окончания в склонении, а третий столь же последовательно этот эффект устранил; ср. укр. *руці, нозі*, белор. *руцэ, назе*, но русск. *руке, ноге*. Попытки найти системные основания для этого различия не приносили успеха, поскольку исходная ситуация во всех трех случаях согласно традиционной точке зрения совершенно одинакова.

Теперь, когда мы знаем, что один из двух главных компонентов будущего великорусского языка, а именно, древненовгородский диалект, вообще не осуществил 2-й палатализации, разгадка представляется достаточно очевидной: во взаимодействии двух диалектов в данном пункте возобладал северо-западный вариант. Точнее говоря, ситуация была такова. В центрально-восточном диалекте существовал и собственный фактор, толкавший к замене *руць, нозь* на *рукъ, ногъ*, а именно, тенденция к аналогическому выравниванию в парадигмах склонения. Однако, как показывают украинский и белорусский, где исходная ситуация была такая же, как в центрально-восточном великорусском, одного этого фактора было все же недостаточно. Но в великорусской зоне в условиях взаимодействия двух основных диалектов этот фактор оказался не един-

ственным: он получил мощную поддержку со стороны северо-западной системы, где модель *рукъ, ногъ* всегда была устойчивой нормой. Благодаря такой поддержке в центрально-восточном великорусском тенденция к аналогическому выравниванию смогла, в отличие от украинского и белорусского, полностью победить.

Из других элементов северо-западного «вклада» в современный русский язык можно указать, в частности:

обобщение *и* в императивном окончании *-ите* (например, *идите, несите*, в отличие от исконных *идьте, несьте*),

обобщение *я* в деепричастиях (например, *идя, неся*, в отличие от исконных *ида, неса*).

Таким образом, современный литературный русский язык предстает как продукт сближения и объединения двух древних диалектных систем — центрально-восточной (ростово-суздальской и рязанской) и северо-западной (новгородско-псковской).